
ДИСКУССИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ

© 2011 г. Л. Б. Волынская

*Доктор культурологии, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Московского института предпринимательства и права, Москва
e-mail: lvoli@yandex.ru*

Рассматриваются мотивация и различные личностные качества, необходимые для становления властной и нравственной элит. Анализируются психология добровольного нравственного страдания, проблемы высоконравственного поведения и отношение общества к нему. Намечаются пути развития нравственной культуры личности.

Ключевые слова: аксиологическая и альтиметрическая элита, нравственные самоопределение, саморазвитие, самосовершенствование, нравственная культура личности, личностные смыслы и нравственная ответственность.

В последнее время в российской научной и публицистической литературе все чаще говорят об элите, причем это понятие употребляется в различных значениях. Если применять его в прямом, первоначальном смысле по отношению к людям, то следует выделять элитные группы, в зависимости от развития их личностных качеств, ценных для общества, способностей, знаний и умений, значительно превосходящих среднестатистические показатели в человеческой популяции. Например, элиты по критерию нравственности и духовности, интеллекта, специальных способностей и профессионализма в различных сферах деятельности, здоровья и физической силы, внешней привлекательности и т.д. В этом случае речь идет о так называемом *аксиологическом*, или *ценностном* подходе.

Но зачастую элитами называют группы людей, обладающих наибольшим влиянием в обществе благодаря их властным полномочиям или финансовым возможностям, независимо от их личностных качеств. Такой подход называется *альтиметрическим* (от англ. *altitude* – высота как в пространственном, так и социальном смысле, т.е. высокое положение в обществе). Именно данный подход является преобладающим в настоящее время. Это связано с тем, что, во-первых, выявить критерии ценности личности довольно сложно, и они не являются однозначными для всех исторических времен и народов, а во-вторых, влиятельным группам в обществе (не только российском) нравится называть себя “элитой”, и они, исполь-

зуя свои немалые возможности, способствуют распространению через СМИ трансформации значения этого слова.

Смешение двух разных значений в одном термине затрудняет его понимание и не является продуктивным для науки. Поэтому впервые введенное А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко понятие “нравственной элиты” и первые подходы к выделению ее критериев и типов [5] можно назвать своевременным и конструктивным научным осмыслением проблемы элит. Уже само сочетание этих слов является новаторским и недвусмысленно говорит о том, что человеческую нравственность можно считать элитным признаком. В настоящее время, в условиях первоначального накопления капитала в России и отсутствия общенациональной идеи, дефицит нравственности и духовности проявляется особенно сильно. Однако нам хотелось бы обратить внимание на то, что даже в более благополучные времена нравственная, духовная и интеллектуальная элита практически никогда не бывает наверху пирамиды социальной стратификации. Следовательно, при альтиметрическом подходе они вообще могут не считаться элитами.

Сложность совмещения личностных качеств властной и нравственной элиты. Почему же выдающиеся в моральном отношении люди если и оказываются у руля общества, то только в виде исключения? Прежде всего, для приобретения власти нужна очень сильная мотивация. Чтобы “пробраться” к верхам, требуется сначала отодвинуть конкурентов – власть почти никогда не да-

ется без борьбы (явной или скрытой). В ход идут любые приемы, согласно принципу Макиавелли – “цель оправдывает средства”. А нравственность предполагает неизбежные ограничения в средствах. В результате высоконравственные люди в условиях борьбы за власть оказываются неконкурентоспособными. Кроме того, при малейшем сомнении в том, что они могут принести пользу в конкретной ситуации, они вообще отказываются от должности, даже если могли бы ее занять. Вот почему во все времена на политический Олимп чаще всего попадают сильные и энергичные, но не всегда добрые и миролюбивые люди. Их этические представления, в основном, сводятся к таким принципам, как “победителей не судят”, “что позволено Юпитеру, не позволено быку”. Поэтому, не гнушаясь ничем, они нередко завоевывают место Победителя и Юпитера, считая, что им потом все простится. Мысли о судьбе страны и благе своих “подданных” кажутся им лишь высокопарными словами, полезными, однако, для манипулирования общественным сознанием.

Что касается нравственной элиты, то она по своей сути стремится не столько к власти, сколько к добру и справедливости, не только к собственному благополучию, но и процветанию всего народа. Конечно, ей нужна власть для претворения своих идеалов в жизнь, но сражаться за нее любыми средствами она не может – в противном случае она перестанет быть нравственной элитой. Еще В. Джемс обратил внимание на то, что существуют несовместимые ценности, и, как бы нам этого ни хотелось, невозможно быть одновременно мультимиллионером и святым, философом и донжуаном [2, с. 90]. То же самое можно сказать об альтиметрической и аксиологической элите – такое сочетание возможно только в виде исключения при благоприятном стечении обстоятельств.

Таким образом, нравственная элита, как правило, не имеет особого богатства, власти или престижного положения в обществе. Более того, как отмечают А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко, она часто подвергается тяжелым испытаниям, отвержению социальным окружением или официальными властями, гонениям и преследованиям [5]. Людям свойственно поклоняться внешнему успеху, а у нравственной элиты он бывает далеко не всегда. Даже самые выдающиеся и прославленные ее представители – основатели новых учений и религий, широко распространившихся впоследствии после их смерти, первоначально подвергались неприятно, осмеянию и отторжению. Как тут не вспомнить гонимого, а потом распятого Христа! Те же страдания, пусть и в меньшей степени, приходится терпеть любому нравственному

человеку, когда его обоснованные и выстраданные идеалы приходят в противоречие с эгоистичными интересами сильных мира сего или тех людей в его микросреде, от которых он зависит, например, непосредственного начальника на работе. Лучшие человеческие проявления далеко не всегда вознаграждаются окружающими, тем более сразу.

Добровольный выбор определенной доли страданий нравственной элитой. Не следует думать, что путь добродетели чреват только терниями и муками. Последние вообще являются неизбежным атрибутом человеческой жизни, и невозможно представить себе кого-либо, кому бы не выпало на долю большей или меньшей “порции” страданий. Но страдание страданию рознь. Страдают люди с необоснованно завышенными притязаниями, искаженным образом самого себя; многие – от политических режимов, социальной несправедливости, боясь против нее бороться; от одиночества, бездействия и скуки, конфликтов с окружающими, своих невольных ошибок вследствие непонимания ситуации; и, наконец, от собственных порочных побуждений и поступков, особенно когда за них наказывает правосудие или сама жизнь. Во всех этих случаях отрицательные эмоции, связанные с переживанием бессилия, невозможностью изменить обстоятельства жизни, дополняются негативной самооценкой (явной или скрытой). В глубине души человек знает о своем малодушии, страхах, лени, корысти, зависти, эгоизме или недостатке способностей и понимания. Никто не принимает эти страдания добровольно, все они вынужденные, и фактически становятся наказанием за неправильные действия или образ жизни в целом.

Представители нравственной элиты тоже страдают, когда непосредственное окружение или общество в целом не понимает их поступки или насмехается над ними. Но это особый вид страдания, и он существенно отличается от описанных выше. Это добровольный выбор: для нравственной элиты лучше потерпеть неудачу, социальное падение или даже смерть, чем предать свои идеалы, отказаться от своей сущности. Это страдание может быть острым, наполненным горечью и болью, но в нем нет негативной самооценки, а наоборот, есть самоуважение, базирующееся на мужественном прохождении через тяжелые испытания и отказе от соблазна легкого пути. Все это подкрепляется еще и пониманием того, что нынешнее положение вещей не является вечным, что в перспективе возможна другая расстановка сил, изменение морального климата, и тогда сегодняшняя неудача может превратиться в триумф. Правда, прогнозировать сроки очень трудно, а

если учитывать краткость человеческой жизни, иногда приходится довольствоваться верой, что прогрессивные изменения вообще когда-нибудь произойдут, пусть даже после смерти.

Среди тех, кто стал ярко выраженной нравственной элитой российского общества, было немало прошедших в свое время через сталинские репрессии. Например, Д.С. Лихачев, выступивший в студенческие годы с критикой реформы русской орфографии, был осужден и сослан на Соловки. А.И. Солженицын, критиковавший сталинский режим, также был арестован и провел много лет в ГУЛАГе. Они понимали, что, протестуя против господствующей идеологии, любого действия правительства или главы государства, они подвергают себя очень серьезному риску, вплоть до смертельной опасности. И тем не менее они не могли молчать. С их точки зрения, лучше умереть, чем делать то, что противоречило их совести, чем превратить свою жизнь в бессловесную покорность и прозябание. Как справедливо пишет И.А. Ильин, бывают случаи, когда страдание лучше, чем удовольствие: если оно имеет духовно-очистительную силу; и даже смерть, особенно доблестная смерть предпочтительнее позорной жизни [6, с. 77]. А сколько было тех, кто не вернулся из сталинских лагерей, тех, которые в дальнейшем также могли бы стать представителями нравственной элиты!

Когда в 1968 году пять человек вышли на Красную площадь в знак протеста против введения советских войск в Чехословакию, они открыто выразили несогласие с господствовавшей в то время идеологией и политической волей руководителей государства. С позиции высших общечеловеческих ценностей они были совершенно правы. Но они знали, что их за это жестоко накажут, и не рассчитывали на поддержку народа. Это была осознанная и добровольная жертва. Это был своего рода подвиг – образец того, на что способен человек в своих лучших проявлениях, в своем нравственном величии. Этот образец был необходим миллионам других людей, пока еще не готовых к подобному самопожертвованию. Но когда видишь, что кто-то сумел подняться на такую высоту, то невольно возникает вопрос: а что же я? И начинаешь мерить себя уже другими, более высокими критериями. Конечно, не у всех возник этот вопрос, но достаточно и того, что хотя бы небольшая часть населения восприняла этот нравственный урок. Поэтому их жертва имела глубочайший смысл, по сравнению с которым физические и социальные лишения оказались вполне оправданными.

Диалектика нравственности и связанных с ней социальных санкций оказывается совсем неоднозначной. Чем ниже в моральном отношении организовано общество, чем чаще поощряется в нем беспринципность и наглость, тем больше требуется жертв для изменения его направленности. Исторически в эпоху первоначального накопления капитала нравственный уровень в обществе всегда снижался по сравнению с предшествующим и последующим периодами. К сожалению, Россия сейчас находится именно на этом этапе развития. Жить в такое время тяжело, но нам выпал именно этот период, и вопрос о *нравственном самоопределении* остро стоит перед каждым из нас. Определенную долю душевных терзаний, мук любому из нас все равно придется претерпеть, а в переходные периоды истории тем более. И лучше страдать на пути нравственного восхождения, чем вследствие неправильного образа жизни и дурных поступков. Ведь нравственное саморазвитие даже само по себе, без всякого внешнего поощрения дает ни с чем несравнимое удовлетворение и истинное самоуважение. Поэтому для любого человека в конечном счете, с точки зрения предельных ценностей, выгодно быть нравственным или, по крайней мере, искренне стремиться к этому.

Основы формирования и развития нравственной культуры личности. Для развития *нравственной культуры* необходимо, **во-первых**, осознать, что повседневное нравственное поведение должно стать *внутренней потребностью* для человека, необходимым именно ему самому, а не чем-то внешним и принудительным. Все великие моралисты утверждают, что добродетель сообразна с природой или божественным замыслом о человеке, а пороки противоречат его высшему началу. Так, Д. Дидро обращает внимание на то, что любой несправедливый поступок вносит или усиливает смятение в психических состояниях и характере человека. С его точки зрения, всякий, кто творит зло, более безумен и жесток по отношению к самому себе, чем тот, кто, не щадя своего здоровья, ест отравленную пищу, или тот, кто собственноручно наносит себе раны [3, с. 114]. И наоборот, высоконравственное поведение повышает самоуважение и приносит такое огромное удовлетворение, что по сравнению с этим отказ от ситуативных соблазнов и мелочной суеты оказывается вполне оправданным. Те, кто испытал это хотя бы однажды, знают об этом.

Пониманию этой простой истины препятствует широкое распространение авторитарной морали, призванной подавить свободу индивида во имя интересов государства в лице его уполномоченных

представителей. Авторитарная мораль является манипуляцией со стороны власти имущих с целью расширить внешний контроль над поведением личности, дополнить его внутренним контролем. Фактически человеку навязывают внутреннего врага, который требует от него самоуничтожения и самоподавления, ущемления своих интересов, в том числе вполне обоснованных. Поэтому многие люди высмеивают нравственность, защищаясь таким образом от нее, считают ее необходимой только для наивных. В работе “Психоанализ и этика” Э. Фромм противопоставил авторитарную мораль, являющуюся фальшивой и манипулятивной, морали истинной, гуманистической. Именно последняя побуждает человека прислушиваться к тихому, едва различимому голосу своей *совести*, и в соответствии с этим вырабатывать стратегию своего поведения, брать на себя ответственность не только за конкретные поступки, но и за весь строй своих мыслей и чувств [9]. Конечно, на этом пути никто не застрахован от ошибок, но лучше исправлять собственные ошибки и учиться на них, чем подчиняться воле мнимых авторитетов, тем самым снимая с себя всякую ответственность и тормозя свое нравственное и волевое развитие.

Во-вторых, следует настроить себя на то, чтобы не бояться определенной доли страданий, воспринимать их как неизбежность, как общую закономерность жизни. Более того, страдание может стать стимулом к личностному и нравственному совершенствованию. Такое страдание является, по словам А. Шопенгауэра, поистине очистительным процессом, который один в большинстве случаев освящает человека [10, с. 184]. Именно поэтому в христианской духовной литературе так часто говорится о спасительной силе креста и страданий.

Если было бы возможно постоянное пребывание в блаженстве, то оно приводило бы только к застою и деградации. Ведь развитие и вообще любое движение неизбежно связано с риском, временной неопределенностью, ошибками, а иногда даже регрессом и тупиком. Эти периоды обычно сопровождаются отрицательными эмоциями, когда кажется, что нет никакого выхода. Но поиск и нахождение новых вариантов поведения выводят человека на следующий этап развития. Счастье, отмечает М. Аргайл, не есть прямая противоположность несчастью, наоборот, оно включает в себя не только положительные, но и отрицательные эмоции, и даже усиливается за их счет, особенно при умении преодолевать трудности [1, с. 31, 174]. Когда отрицательные эмоции кратковременны и преходящи, они не просто быстро сменяются положительными, но в силу

контраста делают их более яркими и ценными. Человек, стремящийся только к удовольствиям, подобен крысе, которая в знаменитом эксперименте беспрерывно нажимала на педаль, раздражая тем самым центры наслаждения в мозгу, ни на что больше не реагируя и забывая даже о еде и сексе. Только страдания позволяют в полной мере оценить счастье, глубже прочувствовать его. Не случайно многие избалованные люди ощущают пресыщенность, не способны радоваться жизни. Известные персонажи русской классической литературы XIX века – так называемые “лишние люди” – являются хорошими примерами этого. Но здесь необходима мера – страдания сами по себе не являются индикатором нравственности, их чрезмерность может породить озлобленность, уныние, неверие в возможность их преодоления.

В-третьих, развитие нравственной культуры личности невозможно без *критического осмысления* навязываемых обществом ценностей, в частности, социокультурных установок на “успех”. Культ богатства, власти, престижа задает вектор устремленности многих людей, которые оценивают себя и других в соответствии со степенью приближенности к “социальной кормушке”. Их самооценка, самочувствие и отношение к другим подвержены резким колебаниям: при удаче непомерно взлетают вверх, а при неуспехе, минуя точку равновесия, падают в психологическую “пропасть”. Такое восприятие способствует формированию характера, названного Э. Фроммом “рыночным”, который получил широкое распространение при капитализме.

К сожалению, современное общество мало способствует развитию личности, оно в первую очередь поощряет *результат*, а не *личность* – последнее обычно выступает только как дополнение. Но здесь возникает парадоксальное явление: стремясь к результату, человек как раз и не может его достигнуть по причине отсутствия необходимых личностных качеств. Как получить удовлетворение от жизни, не обладая высоким самоуважением? Как создать интересный круг общения, если сам не представляешь интереса для других людей? Как воспитать нравственных детей, не будучи нравственным родителем? Некоторые достижения совершаются только тогда, когда для них появляются необходимые личностные данные. Задачей многих людей является выработка в себе большей самодостаточности и умения не мерить ценность своей личности общепринятыми критериями успеха, особенно когда эти критерии сомнительны в своей нравственной основе или просто недостижимы. Чтобы занять

такую позицию, нужна *интеллектуальная свобода и моральная смелость*. Именно подобный подход является проявлением мудрости и способствует устойчивому внутреннему благополучию, мало зависящему от внешних обстоятельств. А постоянная погоня за атрибутами успеха лишает человека внутреннего нравственного стержня и стабильной основы для самоуважения.

В-четвертых, вместо “рыночной” ориентации на поверхностный успех нужно развивать в себе *ориентацию на предельные ценности, на трансцендентное*. Последовательно осуществляемое нравственное поведение обязательно опирается на трансцендентное начало в человеке, на его умение выйти из пут ситуативной заданности, на глубинные личностные смыслы. Именно *потребность в смысле жизни* является универсальной для всех нас и в то же время уникальной, присущей только человеку, в отличие от всех остальных живых существ. Даже те, кто отрицает у себя эту потребность, чаще всего лукавят вследствие своего цинизма или нежелания прикладывать усилия для ее осуществления. Конечно, в реальной жизни эта потребность не у всех выражена одинаково: она может иметь различную интенсивность, направленность и степень осознанности.

Смысл жизни (и его компоненты) не выдумывается произвольно, а вытекает из пересечения внутренней и внешней реальности человека, из его интересов, способностей, направленности и конкретных обстоятельств жизни. Смыслообразующая деятельность базируется на стремлении человека к совершенству, желании соответствовать законам мироздания. Но при этом она опирается на понимание им своих недостатков и проблем общего несовершенства. “Что можно добавить к совершенству?” – спрашивает Сенека. И отвечает: “Ничего. А если можно, значит, не было и совершенства” [8, с. 15]. Смыслообразующая деятельность как раз и представляет собой путь по преодолению несовершенства. А если, пройдя этот путь, человек стремится помочь в этом другим, то его личные смыслы приобретают еще более высокую нравственную составляющую. Например, многие из употреблявших наркотики и впоследствии преодолевших зависимость видят смысл своей жизни в том, чтобы активно помогать в этом другим людям. Зачастую те, кто в детстве страдал от болезней, выбирают для себя профессию врача, и не просто исходя из потребностей общества, а именно считая это делом своей жизни. Люди с серьезными психологическими проблемами, слабо адаптированные к социокультурной реальности, ища выход для себя, нередко

становятся в дальнейшем профессиональными психологами и относятся к этой деятельности как к своему призванию. Таким образом, пережитые и решенные проблемы (иногда даже частично решенные) помогают сделать жизнь более осмысленной и нравственной.

Это может потребовать маленьких или больших жертв. Сплошь и рядом возникают ситуации, когда стремление к смыслу жизни приходит в противоречие с внешним благополучием, особенно в случае его расхождения с внутренними установками, направлением развития личности. Например, отказаться от денежной или престижной работы, если она не соответствует интересам и способностям человека и препятствует реализации его основных жизненных смыслов. Это можно рассматривать как своеобразную жертву или плату за достижение смысла жизни. В подобных ситуациях выбора наглядно проявляется *иерархия приоритета смысла жизни или внешнего успеха* для конкретного человека, независимо от того, что он сам думает об этом и тем более говорит другим.

В-пятых, не следует думать, что повышение уровня собственной нравственности заключается в совершении отдельных “хороших” поступков, которые можно вырвать из общего контекста жизни. Подобной тактики придерживаются проворовавшиеся “новые русские”, отдавая часть награбленного церкви для спасения души, что по своему психологическому смыслу похоже на “взятку” самому Богу. Действия, идущие вразрез со складом души, личностной направленностью человека, являются просто формальными и мало способствуют развитию нравственной культуры. Об этом писал и Д.С. Лихачев: «Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только “принципом”» [7, с. 29].

Настоящее нравственное развитие становится реальным только тогда, когда вписывается в общий путь развития человека, в его *эмоциональную направленность*. По данным исследования Б.И. Додонова, разные люди стремятся испытывать отнюдь не одинаковые положительные эмоции, которые доставляют им наибольшее удовлетворение. Это могут быть альтруистические эмоции, связанные с помощью людям, практические – вследствие активной деятельности, гностические, возникающие в процессе познания, эстетические и др. Всего выделено 10 типов ведущей эмоциональной направленности [4]. Они могут и должны стать возможными *путями нравственного самосовершенствования* для разных

людей. Бессмысленно заставлять себя делать нечто идущее вразрез с собственной натурой только потому, что это в принципе “хорошо”. Обычно это оказывается фальшью, и первоначальный энтузиазм быстро иссякает, сменяясь жестоким разочарованием. Но лучшие *реальные* наклонности в себе всегда можно усилить и развить, если на них обратить внимание. Человек с альтруистической направленностью может оказывать посильную помощь окружающим, пусть даже небольшую, вместо праздных мечтаний осчастливить все человечество. “Практик” желает и должен активно трудиться, вести деятельную жизнь; “гностик” – познавать окружающий мир в том направлении, к которому его интерес наиболее выражен; “эстет” – привносить красоту в те формы и дела, с которыми он соприкасается, и т.д. Именно на этом пути можно стать Праведником, Преобразователем, Исследователем, Художником, о которых говорится в статье А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко [5]. При этом человек не всегда имеет право и возможность претендовать на самые высокие свершения. В зависимости от способностей и уровня развития его достижения могут оказаться очень скромными. Но если он искренне реализует себя, находит свое место в жизни и помогает в этом другим, то он выполняет свою миссию. Возможно, не каждого такого человека следует относить к нравственной элите, но он находится на пути к ней. Кроме того, он составляет ее опору в обществе и способствует улучшению его нравственного климата.

Заключение. Развитие нравственной культуры личности, на наш взгляд, служит интересам не только общества, но и самого человека. Именно высоконравственные люди обладают истинным самоуважением и испытывают глубокую удовлетворенность не только от совершаемых ими конкретных поступков, но и от всего строя своих мыслей и чувств, от сложных моральных

выборов, от преодоления собственного несовершенства. Это не исключает отдельных ошибок, нравственных терзаний, а также неодобрения со стороны общества или микросреды, причем не только в случае неправильных действий, но и при безупречном поведении. Однако на длительном промежутке времени, особенно при подведении итогов жизни, становится очевидным преимущество высоконравственного поведения, которое позволяет человеку считать, что его жизнь прошла не напрасно и имела глубокий смысл. И, наверное, каждому из нас хотелось бы иметь право сказать, как сказал о себе В. Высоцкий:

Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргайл М.* Психология счастья. М.: Прогресс, 1999.
2. *Джемс В.* Психология. М.: Педагогика, 1991.
3. *Дидро Д.* Принципы нравственной философии // Соч. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1986.
4. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
5. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. Т. 31. 2010. № 2. С. 5–18.
6. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1995.
7. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1988.
8. *Сенека Л.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Политиздат, 1992.
9. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
10. *Шопенгауэр А.* Идеи этики. М.: Просвещение, 1992.

PSYCHOLOGICAL PREMISES FOR MORAL ÉLITE FORMATION

L. B. Volynskaya

*Sc.D. (culturology), professor, social and classical disciplines chair,
Moscow Institute of Business and Law, Moscow*

Complexity of essential for authorized and moral elite's formation personal characteristics' combination, their multidirectional motivation is considered in the article. The problem of moral behavior and ambiguity of associated with it social sanctions, psychology of voluntary moral suffering are analyzed. The ways of development of person's moral culture along with its specific personal meanings and emotional orientation are outlined.

Key words: axiological and altimetric elite, moral self-determination, self-development, person's moral culture, personal meanings and moral responsibility.